

Сагимбаев А.В., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

Федин А.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОДГОТОВКИ АНГЛО-ЕГИПЕТСКОГО ДОГОВОРА В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.

Происходившие в межвоенные десятилетия трансформационные процессы затронули, в том числе и крупнейшую из существовавших на тот момент колониальных систем, созданную в рамках Британской империи. Столкнувшись после завершения Первой мировой войны с внутренними трудностями, а также с ростом национально-освободительного движения в колониях, британская политическая элита была вынуждена внести существенные коррективы в колониальную политику, сделав ставку на активное применение косвенных методов осуществления своего влияния в рамках обширной колониальной и полуколониальной периферии. На практике данная стратегия реализовывалась посредством ряда реформ, призванных создать в наиболее значимых британских владениях определенный «фасад» самоуправления. Одним из наиболее типичных примеров осуществления модели «завуалированного» контроля явилась эволюция в 1920-х – 1930-х гг. англо-египетских договорных отношений. На фоне массового антиколониального движения египтян, начавшегося на рубеже 1910-х – 1920-х гг., британская политическая элита была вынуждена отказаться от планов по установлению прямого протектората и пойти на признание 28 февраля 1922 г. формальной независимости Египта. Тем не менее, долгосрочная стратегия Великобритании предполагала сохранение египетского государства в сфере британского геополитического влияния в целях, в первую очередь, обеспечения контроля над Суэцким каналом. Реализация данной стратегической линии обусловила основное содержание англо-египетских дипломатических отношений на фоне существенного осложнения международной обстановки в 1930-х гг.

Ключевые слова: британская колониальная система, модель «завуалированного протектората», англо-итальянские противоречия, англо-египетский договор 1936 г.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-126-132

Введение. В 1930-е гг. сохранение контроля над Египтом продолжало входить в число приоритетных направлений британской политики. На фоне нарастания кризиса Версальско-Вашингтонского миропорядка, во много обусловленного последствиями Великой депрессии, резко возросла стратегическая значимость Суэцкого канала и других коммуникаций, проходивших через египетскую территорию.

Приоритетным направлением политики Уайтхолла, в данной связи, являлось завершение переговорного процесса, связанного с оформлением двусторонних договорных взаимоотношений, которые должны были выступить в качестве политико-правовой основой сохранения модели «завуалированного протектората». Точкой отсчета ее формирования явилась декларация британского правительства, опубликованная 28 февраля 1922 г. К началу 1930-х гг. в Великобритании сложился принципиальный консенсус ключевых политических сил относительно максимального соответствия данной модели международным обязательствам и финансово-экономическим ресурсам, которые британское правительство могло выделить на сохранение доминирующих позиций в регионе. Важнейшим его показателем стала преемственность в политике британских кабинетов в отношении Египта на

рубеже 1920-х – 1930-х, в независимости от их партийной принадлежности.

Объект и методы исследования. Объектом исследования являются международно-политические процессы в регионе Северо-восточной Африки в первой половине-середине 1930-х гг. В центре анализа находятся международные противоречия, обусловленные активизацией экспансионистской политикой Италии и их влияние на политический курс британского руководства, связанный со стремлением сохранить контроль над стратегически значимой территорией Египта. В процессе исследования применялся системный подход, предполагающий диалектическое рассмотрение исторических событий, а также опору на принципы научности и объективности. В процессе его использования особая роль отводилась всестороннему анализу конкретно-исторических факторов, определяющих характер и специфику изучаемой проблемы, а также системную обработку доступной из исторических источников информации.

Результаты и их обсуждение. В 1929 г., О.Чемберлен, занимавший ранее пост главы Форин-офиса в кабинете Д. Ллойд-Джорджа, в своем выступлении в парламенте, подчеркнул приоритетность долгосрочного сохранения британского контроля над Египтом. «Отношения между

Египтом и нами никогда не были предметом выбора, а являлись результатом занимаемой им географической позиции, как одной из основных дорог и артерий имперских коммуникаций», - подчеркнул британский политик [9, col. 360]. Укрепление «завуалированного протектората», со стратегической точки зрения, расценивалось британским руководством, в качестве ключевого условия обеспечения всей системы геополитического господства Великобритании на Ближнем Востоке и в Северо-Восточной Африке.

Наряду с трудностями, связанными с усилением радикальных тенденций во внутривнутриполитической жизни Египта, реализация британских интересов осложнялась обострившейся по сравнению с 1920-ми гг. конкуренцией на Северо-востоке Африки. Ключевым вызовом для Великобритании, в данной связи, являлся все более агрессивный курс Италии в регионе.

Планы Б. Муссолини, связанные со стремлением захватить Эфиопию проистекали из специфики фашистской идеологии, предусматривавшей превращение Италии в геополитического гегемона в Средиземноморье. Однако, реализация агрессивных планов фашистского режима в итоге привела в середине 1930-х гг. к серьезному международному кризису, затронувшему ключевые европейские державы и потребовавшему вмешательства Лиги Наций в итоге продемонстрировавшего недееспособность ключевой международной организации.

В апреле 1935 года «фронт Стреза», состоявший из Великобритании, Франции и Италии, противостоявших растущей агрессивности нацистской Германии фактически распался. Итало-эфиопский конфликт оказался не просто проблемой в двусторонних отношениях между Италией и Абиссинией, но, превратился в один из серьезных международных кризисов 1930-х гг.

По словам министра по делам колоний генерала Эмилио Де Боно, планы завоевания и аннексии Эфиопии начали разрабатываться режимом Б. Муссолини уже осенью 1933 г. В своем письменном отчете об одном из вступлений главы фашистского режима, Де Боно утверждал, что, он окончательно пришел к необходимости захвата Эфиопии не позднее 1936 года. Тогда же, по словам итальянского генерала впервые стали обсуждаться перспективы возможного столкновения с Великобританией в борьбе за влияние в Северо-восточной Африке [13, p.259].

Исходя из этих планов, итальянцам был необходим предлог для того, чтобы начать массированную переброску войск в Эфиопию. Такая возможность представилась в декабре 1934 года, когда произошла стычка между итальянскими и

эфиопскими вооруженными формированиями в оазисе Валвала, расположенном в пределах международно-признанных границ Эфиопии.

На ранних этапах кризиса предпринимались попытки мирного урегулирования путем посредничества Лиги Наций. Попытки урегулировать спор происходили на фоне сближения Италии и Франции, формально закрепленного во франко-итальянском соглашении от 7 января 1935 г. Это соглашение было заключено Муссолини и министром иностранных дел Франции П. Лавалем во время визита последнего в Рим. Французское правительство активно выступавшее против усилившейся Германии, стремились к союзу с итальянцами, чтобы противодействовать росту германского влияния. Итальянское руководство, в то время еще настороженно настроенное к Германии, приветствовало заключение данного соглашения.

Одним из важных аспектов британской дипломатии в данный период являлась также поддержка сближения Италии и Франции дружественные отношения между которыми рассматривались в качестве серьезного противовеса ревизионистскому курсу нацистской Германии. Стремление Великобритании к тесному сотрудничеству с Италией было очевидно еще до начала кризиса в Эфиопии. В 1933 году в одном из документов Форин офиса отмечалось, что Италия «является ключом к миру в Европе, и ... все зависит от того, удастся ли нам удержать ли Италию на правильном пути...»[5, p.329].

Несмотря на протесты Эфиопии, и других стран, Б. Муссолини и другие итальянские чиновники дипломаты объясняли начало военных действий агрессивными действиями с эфиопской стороны. По итогам встречи с итальянским лидером 14 января 1935 года британский посол в Риме Э. Дрюммонд отмечал: «По итогам беседы я могу предсказать дальнейшее осложнение ситуации для Великобритании на фоне инцидента в Уолвале. Судя по словам синьора Муссолини, я чувствую, что положение дел становится все более угрожающим»[7, p.505].

Вплоть до начала 1930-х гг., большая часть британского истеблишмента не уделяла важного внимания возможным угрозам рискам, связанным с активизацией политики Италии для стратегических позиций Великобритании в Восточном Средиземноморье. Н.Чемберлен, долгое время возглавлявший внешнеполитическое ведомство в кабинете С. Болдуина, являлся последовательным сторонником курса на умиротворение режима Б.Муссолини, полагавшим, что Италии могут быть предоставлены некоторые «компенсации» за то, что не все ее интересы были в полной мере учтены в процессе послевоенного урегулирования [8, col. 194].

В 1925 г. Н.Чемберлен выступил в качестве

одного из ключевых сторонников соглашения, предусматривавшего передачу итальянской стороне части спорных пограничных территорий в Северо-Восточной Африке. К их числу относился, в том числе, пограничный пункт Джарабуб (Jarabub) на границе Египта и Ливии, переданный под итальянский контроль вопреки энергичным протестам египетского правительства, а также министерства ВВС Великобритании, представители которого полагали, что он может быть использован итальянцами в качестве воздушной базы для возможной атаки на Египет [17, р.44].

Кроме О. Чемберлена, Б. Муссолини симпатизировали и некоторые других влиятельные британские политики, к которым на том этапе относился, в том числе и У.Черчилль, сравнивавший лидера итальянских фашистов с древнеримским императором Юлием Цезарем. Благожелательности британского истеблишмента Б. Муссолини добился, во много за счет весьма прагматичного и осторожного внешнеполитического курса. После провала планов по захвату о. Корфу в 1923 г., он на долго отказался от прямой конфронтации с Великобританией в Восточном Средиземноморье и в Африке. В частных беседах Б. Муссолини, тем не менее, подчеркивал, что ключевым приоритетом Италии является «разрыв сковывающей британской цепи, охватывающей Гибралтар, Мальту, Кипр и Суэц» [4, р. 325]. Однако, в силу существенного военного превосходства Великобритании и союзной ей Франции данная цель могла быть реализована лишь в отдаленной перспективе [4, р. 338].

В 1935 г. Б. Муссолини приступил к реализации амбициозного плана по созданию колониальной империи начальным этапом которого должен был стать захват Эфиопии. В декабре 1934 г. с момента столкновения между итальянскими и эфиопскими войсками в Валвале, началось вторжение Италии на территорию Эфиопии.

В ноябре 1934 г. Великобритании удалось добиться смены правительства в Египте и формирования лояльного правительственного кабинета во главе с М.Т. Назим – пашой, в который были включены в основном политики умеренного толка, настроенные на компромисс с Лондоном. М.Т. Назим – пашой, в связи с тяжёлой болезнью короля Фуада, вскоре стал играть ключевую роль на новом этапе переговоров, начавшемся осенью 1934 г. К тому моменту, впервые за весь послевоенный период в египетском обществе стал наблюдаться рост симпатий к Великобритании. Главным фактором данных изменений явилась агрессия Италии в Эфиопии, которая встретила категорическое неприятие в Египте.

Активная подготовка Италии к вторжению в Эфиопию внесла определенные изменения в британский курс, носившие весьма противоречивый характер. По сообщению представителей

британской резидентуры в Риме переданном в конце июля 1935 г., подчёркивалось, что в итальянском руководстве все больше распространяется убежденность в слабости Великобритании и «упадке Британской империи», которые позволяют Италии «безнаказанно игнорировать её интересы и добиться максимальных выгод» [4, р. 349].

В начале августа 1935 г. глава Форин офиса С. Хор, сделал официальное заявление о недопустимости аннексии Абиссинии. На этом фоне британские военно-морские силы, дислоцированные в Портленде и на Мальте, а также подразделения противовоздушной обороны военно-морских баз в бассейне Средиземного и Красного морей были приведены в состояние повышенной боевой готовности. Согласно данным итальянской разведки, одним из наиболее активных сторонников ужесточения политики в британском правительстве, являлся Э. Иден, «склонявший кабинет к принятию экстремистских мер против Италии» [17, р. 44].

В специальном рапорте, подготовленном Э. Иденом, возможные итальянские действия характеризовались не только как «враждебные интересам Великобритании в Абиссинии», но и рассматривались как «составляющие потенциальную угрозу британским владениям на всём Африканском континенте» [16, р. 168]. Наибольшие опасения, в данной связи, вызывали «устремления Италии в бассейне Нила» [16, р. 168].

Мнение Э. Идена совпало с информацией Форин офиса о «документальных доказательствах» оказания помощи итальянскими спецслужбами египетским националистам «в их антибританской активности». [13, р. 285]. С точки зрения Э. Идена, Великобритания «должна быть готова к решительным действиям вне зависимости от позиции Лиги (Наций – А.С.), так как «Абиссиния может рассматриваться в качестве плацдарма для возможных действий Италии против Египта и Судана» [7, р. 503].

В ходе прошедшего вскоре специального заседания Кабинета в расширенном составе, в котором приняли участие 22 министра, Э. Иден вновь заявил о необходимости «обеспечить британские интересы и британский престиж... в Средиземном море» [14, р. 711]. Тем не менее, окончательно убедить большинство членов правительства в необходимости принятия жестких мер ему не удалось. Кабинет в итоге солидаризировался с мнением С.Хора, настаивавшего на продолжении попыток разрешения возникшего конфликта исключительно дипломатическим путем, «являющимся более предпочтительным, чем принятие сомнительных инициатив, способных вызвать негативные последствия» [10, col. 12-13]. После завершения экстренного совещания С. Болдуин и ряд министров покинули Лондон для

того, чтобы продолжить прерванные отпуски.

На следующий день комитетом по оборонной политике британского правительства принял решение об отмене мобилизации Домашнего флота, а также военно-морских сил в Средиземном море. Секретарь комитета при этом заявил о том, что «военные вмешались в сферу политических решений, с которыми обычно связывали свои неудачи» [1, р. 402].

Лорд Галифакс, возглавлявший военное ведомство, в связи с циркулировавшими в прессе слухами о возможном вторжении итальянских войск в Египет через Ливийскую пустыню заявил об отсутствии причин для паники. Военно-политическая ситуация в регионе, по его мнению, не вызывала «серьёзных причин для беспокойства», а египетские вооруженные силы, в случае необходимости, «были способны сделать то, что от них требуется» [17, р. 47].

Заместитель главы Форин офиса Р. Дж. Вэнситарт, в свою очередь подчеркнул, что «военное руководство продемонстрировало благодушие и веру в возможность справиться с растущей итальянской угрозой, не прибегая к наращиванию имеющихся ресурсов» [17, р. 47]. С точки зрения британских военных экспертов преобладало мнение о том, что наступление через Ливийскую пустыню было возможно лишь весьма ограниченными силами. Данная точка зрения подтверждалась также информацией спецслужб. Британской разведке, в частности, удалось получить копию аналитической записки представителя итальянского Генерального штаба А. Париани, в которой формулировались возможные варианты действий в случае начала военного конфликта с Великобританией и закрытия Суэцкого канала для итальянского судоходства. Наиболее вероятным из них, с его точки зрения, являлась наступательная операция вдоль прибрежной полосы из Киренаики на Александрию, либо наступление через оазисы Сива и Вади Халфа в направлении Нила [1, р. 410]. В ходе англо-египетских переговоров, ряд британские представители неоднократно ставили под сомнение способность египетских властей самостоятельно защищать интересы иностранных подданных, находившихся на территории Египта. Было также обращено внимание на обеспокоенность, выраженную МИД Италии, относительно гарантий безопасности 50 тыс. итальянских граждан, проживавших в Египте [9, col. 2904-2905].

Усиление своего военного потенциала в Ливии итальянское руководство объясняло необходимостью противодействия религиозному движению синуситов, боровшемуся с колониальным режимом, а также необходимостью акклиматизации военных перед их отправкой в Восточную Африку. В интервью политическому обозревателю

«Дэйли Мэйл» Дж. Уорд-Прайсу, Б. Муссолини подчеркнул, что, по его мнению, в Африке у Италии и Великобритании отсутствовали неразрешимые противоречия. С другой стороны, среди представителей британской политической элиты преобладало максимальное стремление избежать прямого столкновения. Так в послании С.Хора, адресованному Б. Муссолини, подчеркивалось нежелание британского правительства идти на эскалацию конфликта и объяснял меры, принятые Великобританией лишь «реакцией на ужесточившуюся антибританскую пропаганду в Египте и на Ближнем Востоке» [2, р.3]. При этом он подчеркнул, меры, предпринятые британским правительством, носили «исключительно оборонительный характер» и оно не намерено «закрывать Суэцкий канал или вводить военные санкции» [2, р.3].

В рамках проведения масштабного военного вторжения в Эфиопию, итальянское руководство уделяло особое внимание сохранению возможности использования Суэцкого канала. К лету 1935 г. итальянские перевозки достигли 20,2% от общего тоннажа судов, проходивших через канал.

В июле 1935 г. Р. Дж. Вэнситарт попросил Форин офис рассмотреть возможность изменения порядка использования Суэцкого канала, в рамках возможного принятия ограничительных мер в отношении Италии. Тем не менее, в конечном итоге, в британском внешнеполитическом ведомстве пришли к заключению о том, что санкционные меры могут быть приняты лишь с согласия Лиги Наций. Кроме того, по мнению ряда экспертов, степень эффективности данных мер являлась сомнительной, поскольку Италия могла использовать для своих грузоперевозок суда под нейтральным флагом.

В сентябре 1935 г., в ходе одного из официальных брифингов представитель Форин офиса заявил о том, что решение о введении санкций «окажется неразумным, и может подтолкнуть Рим в объятия наци» [11, col. 21]. Тем не менее, представители лейбористской оппозиции продолжали настаивать на принятии решительных мер, вытекающих из рекомендаций Лиги Наций по прекращению военного конфликта в Эфиопии.

В начале октября исполнительный комитет Лейбористской партии обнародовал заявление, в котором особо подчеркивалось, что «большая часть британцев поддерживает полное использование механизмов коллективной безопасности Лиги Наций для того, чтобы прервать коммуникации, связывающие Италию с африканскими колониями» [3, р. 223].

2 декабря 1935 г. представитель Египта в Лиге Наций заявил о полной готовности своей страны поддержать санкции против Италии как страны-агрессора. В одном из египетских

периодических изданий того периода отмечалось: «В защите интересов Великобритании, египтяне сейчас выглядят более последовательными и энергичными, чем сами британцы» [15, р. 326].

На фоне активных дискуссий относительно возможной реакции на итальянскую агрессию в Эфиопии, в декабре 1935 г. С. Болдуин заявил о том, что функции обеспечения военной безопасности Египта относятся к компетенции египетских властей вооруженных сил, «так как с 1924 г. ни один британский офицер не занимал в них какой-либо командной должности» [10, col. 885-886].

В период итальянского вторжения в Эфиопию, британское командование увеличило численность контингента на территории Египта до 20500 человек, т.е. практически вдвое. Несмотря на принятые меры, обстановка в регионе продолжала рассматриваться в Лондоне с возрастающим беспокойством. Итальянская оккупация Эфиопии создавала реальную угрозу всей системе колониальных интересов Великобритании на Северо-востоке Африки. Дополнительным осложняющим ситуацию фактором явилось арабское восстание, начавшееся в Палестине в 1936 г. Оно вынудило британское командование передислоцировать из Египта на палестинскую территорию 4 тыс. военнослужащих. Эксперты сходились во мнении крайней ограниченности британских резервов для усиления военных позиций Великобритании в регионе. На фоне подъема антиколониальной борьбы в Индии, также снизились возможности по использованию индийских войск, составлявших заметную часть размещенных в Египте британских сил [1, р. 418].

Суммируя настроения, существовавшие в британском политическом истеблишменте относительно перспектив англо-египетских отношений, С. Болдуин отмечал, что «заключение договора призвано стать их важнейшим политическим решением,... абсолютно необходимым при условии отсутствия ущерба нашим интересам» [6, р. 239]. В одном из британских военных отчетов в данной связи отмечалось, что «безопасность Суэцкого канала... требует создания устойчивого формата дружественных отношений с Египтом». «Неудача в вопросе оформления двустороннего договора, - подчеркивалось в одном из правительственных заявлений, - обусловит дальнейшую дезорганизацию на Ближнем Востоке в дополнение к тем трудностям, которые возникают на европейском континенте» [5, р. 359].

По мере разрастания итало-эфиопской войны и усиления международной напряженности в Северо-Восточной Африке, в британской политической элите усиливались дискуссии, относительно возможной реакции на итальянскую агрессию. 17 марта 1936 г. Великобритания поддержала

поданный в Лигу Наций протест Эфиопии по поводу применения Италией химического оружия в ходе военных действий. Лорд Сесил в британском парламенте зачитал послание дочери эфиопского негуса, содержащее обращение к международному сообществу с призывом к объединению усилий по сдерживанию итальянской агрессии [12, col. 359]. К июлю 1936 года, когда были сняты международные санкции, введенные Лигой Наций против Италии, итальянские войска захватили эфиопскую столицу Аддис-Абебу и вынудили императора Хайле Селассие бежать в изгнание.

Вторжение Италии в Эфиопию явилось важным фактором, стимулировавшим англо-египетские отношения и приведшим к активизации переговорного процесса. В сравнении с предыдущими раундами переговоров, на этом этапе основное внимание уделялось военной составляющей будущего соглашения.

Обеспечение безопасности и нейтрализация возможных угроз стратегически важному объекту коммуникаций, продолжали оставаться важнейшей военно-политической задачей Великобритании в ближневосточном регионе. Агрессивная политика Италии в Восточном Средиземноморье и Северо-Восточной Африке, в данной связи, вызывала растущее беспокойство у представителей британского истеблишмента.

В конце февраля 1938 г. предметом активной дискуссии в правительстве и парламенте Великобритании стало заявление вице-короля Эфиопии маршала Р. Грациани, потребовавшего предоставления Италии режима наибольшего благоприятствования в использовании Суэцкого канала и возможности итальянского участия в обеспечении его безопасности. Несмотря на некоторую разницу в оценках приоритетов внешней политики, к данному моменту внутри британского истеблишмента сформировался принципиальный консенсус относительно необходимости сдерживания растущей региональной активности Италии, которая воспринималось как основная угроза геополитическим позициям Великобритании [5, р. 722-723].

К осени 1938 г. режим Б. Муссолини пришел к решению о временном отказе от прямо военного противостояния с Великобританией в Средиземноморском регионе. Итальянское руководство сошло во мнении, что Италия на данном этапе не готова к масштабному военному конфликту. Рассматривая различные варианты возможных военных действий, руководство итальянского Генерального штаба сделало вывод о том, что наиболее эффективным способом ведения военной кампании являлось вторжение в Египет с территории Ливии с максимально быстрым захватом зоны Суэцкого канала. Согласно экспертным оценкам, для

осуществления данной операции требовалось бы привлечь группировку, состоявшую не менее чем из шести дивизий. Кроме того, поддержание коммуникаций с наступающими войсками являлось бы крайне затруднительной ввиду полного превосходства британских военно-морских сил.

Заключение. Развитие англо-египетских взаимоотношений в межвоенный период стало важнейшим компонентом, определявшим стратегию Великобритании в ближневосточном регионе. Двусторонний договор, подписанный в 1936 г. рассматривался Уайтхоллом как новый гибкий механизм обеспечения реализации британских военно-политических и экономических интересов в Северо-Восточной Африке в долгосрочной перспективе. Кроме того, он был призван гарантировать сохранение контроля Великобритании над Суэцким

каналом, являвшимся одним из ключевых звеньев в системе международных коммуникаций. Сам факт признания де-юре независимого статуса Египта явился важным индикатором глубоких трансформаций, происходивших колониальной стратегией Великобритании. Они предполагали постепенный переход к более гибким и завуалированным формам контроля над важными со стратегической и экономической точки зрения владениями. Пересмотр традиционных форм реализации колониальной политики, в свою очередь, явился важнейшей основой для формирования принципиально новой стратегии отстаивания британских геополитических интересов. В конечном счете, данная стратегия позволила Великобритании сохранять свое присутствие в одном из стратегически значимых регионов мира еще на протяжении нескольких десятилетий.

Список литературы

1. Clayton A. The British Empire as a Superpower, 1919-1939. / Clayton A. - Athens : University of Georgia Press, 1986. – 545 p.
2. «Daily Mail».- 1935. 24th November.
3. Darwin J. Britain, Egypt and the Middle East: Imperial Policy in the Aftermath of War, 1918-1922. / Darwin J. - L., N.Y.: St. Martin's Press, 1981. – 333 p.
4. Documents on British Foreign Policy. Ser.1 (1918-1939). Vol.13.
5. Documents on British foreign policy. Ser. 1 (1918-1939). Vol. 33.
6. Documents of English History, 1832-1950. / Ed. by. Barker W. A, Aubyn G. R. St. and Ollard R. - L.: A. & C. Blac, 1954. – 86 p.
7. Eden A. The Eden memoirs: The reckoning. / Eden A. - L.: Cassell, 1962. – 623 p.
8. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929). Vol. 226.
9. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1930), Vol. 237.
10. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1935). Vol. 307.
11. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936). Vol. 318.
12. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1936). Vol. 103.
13. Lanver M. The British in Egypt: Community, Crime and Crises 1882-1922. / Lanver M. - L.: Bloomsbury Academic, 2012. - 318 p.
14. Louis W. R. Ends of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decolonization. / Louis W. R. - N.Y.: Bloomsbury Academic, 2006. – 1065 p.
15. Marlowe J. Arab Nationalism and British Imperialism. A Study in Power Politics. / Marlowe J. - N.Y.: Praeger, 1961. – 236 p.
16. Marlowe J. A History of Modern Egypt and Anglo-Egyptian Relations 1800-1956. / Marlowe J. - L.: Archon Books, 1965. – 468 p.
17. Morewood S. Suez: the Canal before the Crisis. / Morewood S. // History Today. Vol.56. Issue 11. - November, 2006. - P. 38-50.

THE INTERNATIONAL POLITICAL CONTEXT OF THE PREPARATION OF THE ANGLO-EGYPTIAN TREATY IN THE MID-1930s.

The transformation processes that took place in the interwar decades affected, among other things, the largest of the colonial systems that existed at that time, created within the framework of the British Empire. Faced with internal difficulties after the end of the First World War, as well as with the growth of the national liberation movement in the colonies, the British political elite was forced to make significant adjustments to colonial policy, betting on the active use of indirect methods of exercising its influence within the vast colonial and semi-colonial periphery. In practice, this strategy was implemented through a series of reforms designed to create a certain "facade" of self-government in the most important British possessions. One of the most typical examples of the implementation of the "veiled" control model was the evolution of Anglo-Egyptian contractual relations in the 1920s– 1930s. Against the background of the massive anti-colonial movement of the Egyptians, which began at the turn of the 1910s – 1920s, the British political elite was forced to abandon plans to establish a direct protectorate and accept recognition of Egypt's formal independence on February 28, 1922. Nevertheless, the UK's long-term

strategy assumed the preservation of the Egyptian state in the sphere of British geopolitical influence in order, first of all, to ensure control over the Suez Canal. The implementation of this strategic line determined the main content of Anglo-Egyptian diplomatic relations against the background of a significant complication of the international situation in the 1930s.

Keywords: the British colonial system, the "veiled protectorate" model, the Anglo-Italian contradictions, the Anglo-Egyptian Treaty of 1936.

References

1. Clayton A. (1986) The British Empire as a Superpower, 1919-1939. / Clayton A. - Athens : University of Georgia Press, 1986.
2. «Daily Mail» (1935). - 1935. 24th November.
3. Darwin J. (1981) Britain, Egypt and the Middle East: Imperial Policy in the Aftermath of War, 1918-1922. / Darwin J. - L., N.Y.: St. Martin's Press, 1981.
4. Documents on British Foreign Policy. Ser.1 (1918-1939). Vol.13.
5. Documents on British foreign policy. Ser. 1 (1918-1939). Vol. 33.
6. Documents of English History, 1832-1950. / Ed. by. Barker W. A, Aubyn G. R. St. and Ollard R. (1954) - L.: A. & C. Blac, 1954. – 86 p.
7. Eden A. (1962) The Eden memoirs: The reckoning. / Eden A. - L.: Cassell, 1962.
8. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1929). Vol. 226.
9. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1930), Vol. 237.
10. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1935). Vol. 307.
11. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series (1936). Vol. 318.
12. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Lords, Fifth Series (1936). Vol. 103.
13. Lanver M. (2012) The British in Egypt: Community, Crime and Crises 1882-1922. / Lanver M. - L.: Bloomsbury Academic, 2012.
14. Louis W. R. (2006) Ends of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decolonization. / Louis W. R. - N.Y.: Bloomsbury Academic, 2006.
15. Marlowe J. (1961) Arab Nationalism and British Imperialism. A Study in Power Politics. / Marlowe J. - N.Y.: Praeger, 1961.
16. Marlowe J. (1965) A History of Modern Egypt and Anglo-Egyptian Relations 1800-1956. / Marlowe J. - L.: Archon Books, 1965.
17. Morewood S. (2006) Suez: the Canal before the Crisis. / Morewood S. // History Today. Vol.56. Issue 11. - November, 2006. - P. 38-50.

Об авторах

Сагимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: sagimbaev@yandex.ru.

Федин Андрей Валентинович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: avfedin@yandex.ru.

Sagimbaev Alexey Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia); E-mail: sagimbaev@yandex.ru.

Fedin Andrey Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General History and International Relations Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia); E-mail: avfedin@yandex.ru.